

ТАТЬЯНА
ЖМАЙЛО

**СОЛЬ
МИЖОР**

ПОЭЗИЯ

1

ТАТЬЯНА ЖМАЙЛО
СОЛЬ - МИЖОР

ПОЭЗИЯ

1

Макет книги, дизайн
и графическое озвучивание текста –
Татьяна Тайганова.

Координатор проекта и корректор –
Алла Бархоленко.

Составитель
и художественный редактор –
Татьяна Тайганова.

Технический руководитель –
Юрий Малоземов.

Ручной переплет – Владимир Богачев.

В список создателей этой книги безыменно примыкает и та первая сотня любителей поэзии, - много лет ожидающих книги Татьяны Жмайло поверивших автору подписчиков - без которых это издание просто бы не состоялось.

Миниатюра подготовлена к печати творческим товариществом "Марафон".
Контактный телефон в Вологде: 77-13-87.

Серией миниатюрных изданий "Единство в книге" будут представлены авторы, творческие проявления которых явно выходят за рамки традиционного предпочтения единственного жанра. Именно эти люди, не уклоняющиеся от разнообразия жизни, и ткнут сегодня основу синкретического искусства третьего тысячелетия.

Идея и название серии "Единство в книге", равно как оформление и тексты всех изданий, подготовленных творческим товариществом "Марафон", охраняются законом об авторском праве. Любые идейные и образные заимствования, не согласованные с редколлегией "Марафона", а также цитирование без ссылки на первоисточник являются нарушением авторского права.

Издательство "Евстолий".
Март 1999 год.
г. Вологда.

*“Благодарю всех,
поверивших мне...”*

*“Люблю море, осень и
черный цвет...”*

Что же, птица,
Давай поиграем
В гляделки,

Взглядом
касаясь края
Зрачка.

ПОРТРЕТ ОДИНОЧЕСТВА

Я -

Сотканная
Из волокон и жил
Из сотни кровей
Сотни противоречий

Я

В ком
Нарождался и жил
Многоречивый
Язык человеческий

Я

Кому Бог
Дал возможность сказать
"Мы - человечество"
"Я - человеке"

Я

Поднимаю к небу глаза
И опускаю плечи

Полюхуе
Схез
Схега без
Приводящий в ухыжие
Всуе
Черной тушью на белом рисую
Жи улыбки
Жи боли в глазах
Равнодушно-усталой рукою
Черным срезом
Черта за чертою
Белый лист
От угла до угла
Заштриховаю
Портрет одиочества
Полюхуе
Схез
Мое хочество

**Пройду по саду и узкаю
То дерево,
Что мыхче с краю,
А рахъше – в цехтре рая было.
И я любила
Рахет,
Помечеххый запретом,
Срывать,
Же думая при этом,
Что я уже грешу позмахъем.
Мое изгахъе...**

**Я отреклась от райских песех,
Же сад стал жестерпно тесех,
Жагие, дети –
Рядом были,
Жо же любили...**

Пройду по саду.
Обгорелый
шиповник,
Ражьше бывший белым,
Сухие руки тянет в небо.
И жме бы
Не было так грустно,
Когда б, избрав иное русло,
Катила волжы речка Лета
В другое лето.

Незаполнённостью схожи
Два листа.
Дважды два
Прибычно множу —
Суть проста:
Солью соль —
Умножит горе
Пеха волк.
Я — Ясоль,
Мне ждать у моря —
Не-ко-го...
Под ветрами парус выцвел
И обвис.

Черный флаг,
Узрюмы лица, резок свист.
Руки падают,
Как плечи —
Шелом, вдоль...

Сихьорита? Дожда? Леда?
Я — Ассоль.

Там, где желтый песок
С ветром – в висок,
Пока не поздно,
Положите меха
Лицом на восток,
Глазами – к звездам.
Ветер дует в рожок.
Мне уже хорошо,
Уже не больно.
Положите меха на прибрежный
песок,
К волне прибоймой...

И пусть все корабли уплыли
С легкой волной под килем,

Но
Мне уже все равно,
А то, что еще осталось, —
Это моя усталость,
Северный ветер,
Свеча
И
Пустое окно...

Даже
Даль не свобода
Не отдаст своего.
У нехя -
Не свобода
От себя,
От всего!..
По обратному следу
По короткой судьбе
Я уеду,
Уеду,
Возвращаясь к себе.

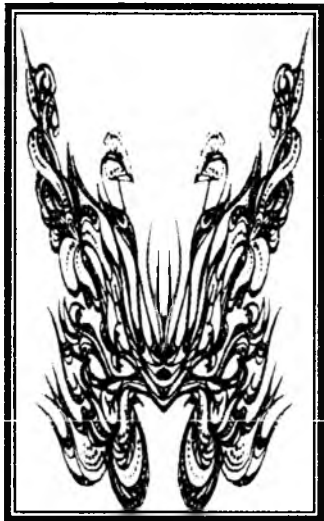

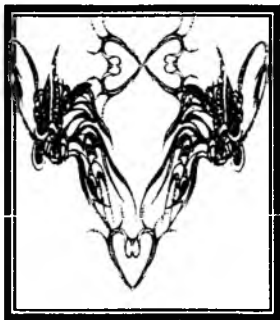

Ошибаемся,
ошибаемся...
Об ошибки свои
ушибаемся,
синяками
и шишками мечены,
от ошибок своих
не излечены.
На своих, пережитых,
учимся.

Изучая чужие -
мучаемся.

ЗВЕЗДОПАД СПЯЩИХ

гасит окурок
в банке
консервной.

Ночью
спокойно спится
кому?

Детям, наверное...

Дела...

А между ними
пустота.

И скатерть
на столе
как снег чиста,
и на окне –
ухожены цветы...
Размерен день –
без шума, суеты.
Но поселилась
в доме эта тишь,
когда лишь
сам с собою
говоришь...

Игрушка

взята в руки
невзначай...

Забывтый,

остывает
в чашке чай...

Здесь аист

своего гнезда
не вьет...

Здесь –

чье-то
одинокчество
живет.

- Послушай, Тань!
Я забегу на полчаса?
Есть дело...

Все это будет.
И руками сжав живот,
в горячке родов
до крови кусая губы,
умрет подруга.
Врач, со лба стирая пот,
вдруг выругается – зло и грубо.
А завтра мы –
забыв про все дела – в Загорск
уедем рано утром
без билета.

Она не знает,
что мальчишку родила.

Все это было...
Или только будет это?

Минуту назад еще,
там, за оградой,
я – шумом оглушена.
На Миусском кладбище,
с улицей рядом,
такая стоит тишина!
Здесь запах разлуки,
осеннего тленья,
тишайший полет паутин...
И мраморный мальчик
стоит на коленях
в молчании скорбном...
Один.
А я?
Я – не в счет!
И нема, и бесплотна,
пройду мимо старых оград.
Здесь время течет
как-то странно и плотно,
нарушив единство и ряд.

БЫЛО тихо и звездно-темно.
Мы сидели кружком у огня.
Пели песни и пили вино
за покой души грешного дня.
За рождение новой зари,
за последнюю песню грача.
И неважно – о чем говорить,
было страшно о чем-то молчать.
И никто в эту ночь не молчал,
каждый явно кого-то любил,
и, касаясь чужого плеча,
словно тайно молитву творил.
Но когда не осталось питья,
и осталась зола от огня,
вот тогда и заметила я,
что украли меня у меня.

Легко обидеть добротой
и поманить мечтой ненужной.
Так согрешил бы и святой
в порыве щедрости натужной
и осчастливил невпопад:
и вот у ползающих – крылья,
и вот у спящих – звездопад...
И сказка обернулась былью!
Мы в сказки верим, но, хоть плачь,
а в быль поверить так непросто!
И хочется порой, как плащ,
примерить жизнь иного роста,
и отражаясь в зеркалах,
себя совсем другим увидеть,
а потому, не помня зла,
уже других добром обидеть...

Не оставь меня, Господи!
Знаю, многим грешна:
что пила, с кем ни попадя,
смуту вместо вина,
что влюблялась безудержно, -
над собой не вольна.
Что не встретилась с суженым –
не беда, а вина.
Что, не веря в пророчество
о слияньи сердец,
все коплю одиночество,
как бессилье скопец.
Что чернилами вылила
кровь в бездонность листа.
Что тоска душу выела
допуста, до креста...

Иду и вглядываюсь в лица,
а вижу только чьи-то спины.
О, научи меня молиться! –
иначе стину...

Как время безнадежно длится,
когда не ждешь,
когда не веришь.
Иду и вглядываюсь в лица,
а вижу запертые двери.

Когда душа устанет биться
в нелепой паутине буден.
о, научи меня молиться, -
хотя бы бить в шаманский бубен.

СТАТЬ ЗОЛОЙ

Мне нравится слово «пора».
Не поздно еще и не рано,
а в пору грубеет кора
и листьев ладони багряны.
Мне нравится слово «пора».
Не рано уже и не поздно,
рассыплются по небу звезды,
и будут гореть до утра.
Пора для любви и разлук...
Пора для костра стать золой...
«Пора» – как натянутый лук
с готовой сорваться стрелой.

Качались от ветра
мартовские деревья.
Корявые ветки
чертили смешные слова.
Окончилась пьянка,
толпа разошлась, разбрелась.
А я – полонянка
холодных нелюбящих глаз.
Короткая встреча,
которой могло и не быть.
Но был этот вечер,
нарушивший сущность и быт.
Но был этот скудный
и солнца лишенный рассвет.
И губы так трудно
шепнули на выдохе «нет»...

Сентябрем
потемнела вода,
черный ветер
то плакал, то ахал...
Мне хотелось
отплыть в никуда,
любопытство
мешая со страхом.
Прахом листьев,
сгоревших в костре,
легким пеплом
осыпаны руки.
Я люблю уходить
в сентябре.
Я обучена
этой науке.

На бумаге слова немые,
словно души убитых птиц,
словно их написали не мы.
В душном прахе бумажных страниц
затерялись мои слова.
Может быть, другим повезло?
Оттого и молчу, назло Вам,
и себе, конечно, назло.
Я отправлю пустой конверт, -
просто знайте, что я жива.
Но особой потребности нет
рассылать пустые слова.

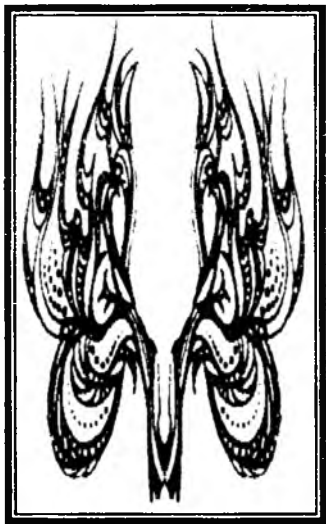
У меня нет телефона,
потому иные вести
неспеша и монотонно
добирались до меня,
словно мухи в жидком тесте
уплывающего дня.
Потому подобьем стога
мои ночи не взрывались
тем особым –
похоронным,
в ожидании –
по ком? –
словно колокол,
звонком...

Я не люблю полутона –
предательство размытых граней.
Когда за плоскостью окна
весь мир теряется в тумане,
когда земля и небо врозь,
но все же, кажется, едины.
Когда не в крике сорвалось –
прошелестело: «Сгину, сгину...»
Рукой неспешно, чуть дыша,
отдерну тканевую завесь.
И в теле съежится душа,
как в почке листовенная завязь.

Я не верю
    рассказам
    бывалых,
не страдающих от перемен.
Даже осени
    рыжей
    опала,
приходящая лету взамен,
отзовется
    глухою
    болью.
Уезжая, не смейте лгать,
что при виде
    чужого
    поля
вам свое не дано вспоминать.

С
КРАЮ

Как хорошо,
что эта ночь темна.

Сквозь осязаемость
смолянистой тени,
покрывшей плотно
потолок и стены,
не вижу,
как душа твоя черна.

Как хорошо,
что эта ночь тиха.

И, в тишине
нежданного покоя,
не понимая,
что это такое,
грешу, - совсем
не чувствуя греха!

Как хорошо.
что эта ночь...

Не умею жить, ну и что же?
Я понятливая – обучусь...
Я прикрою душу рогожей,
опасаясь избытка чувств.
Видишь, я уже не такая:
не мараю пером листы.
И слеза по щеке не сбегает,
потому что глаза - пусты.

Платье заплатано –
Бог с ним,
не по одежке...

Но кто,
предпочитающий осень,
шьет мне из ветра пальто?

И не от умысла злого,
а по неведенью лишь,
предпочитающей слово
дарят могильную тишь...

Для тех, кто приличия ищет,
наверное, выгляжу нищей,
просящей кусок на миру...

Неправда,-
свое лишь беру:
не мазанный медом
не сладкий от роду
кусок.
Потуже
затягиваю поясок.
Чужого – не надо,
оно – не в награду.

Сгибаясь в дугу,
свое берегу.

Все размерено и
взвешено.
Вашу взвешенность
и разум
посылаю к черту,
к лешему –
хвост рубить коту,
так – сразу,
боль – не боль, –
одним движением,
и ни слова
о пощаде.

И всему венец –
прощение,
и всему конец –
прощайте.

Золотую середину
покрывает паутина,
а тропинка протоптана –
с краю.

Где холодная путина,
где высокая плотина –
я путей своих
не выбираю.

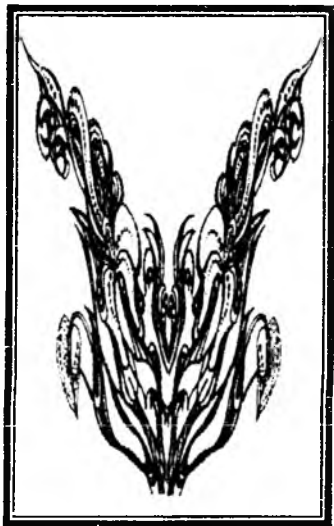
Где болотина лихая,
где прогалинка сухая,
а в кармане – краюшка
хлеба.

Не ропщу и не вздыхаю,
и судьбу свою не хаю, -
я иду, вскинув голову
к небу.

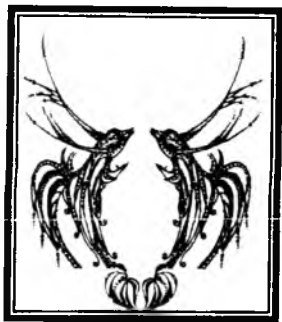
Чтоб найти меня легко –
вот ориентир:
буду черпать молоко
Млечного Пути,
и ловить собратьев Рыб, –
Где вы? – Далеки! –
среди млечно-черных глыб
в звездные силки.
Буду полнолунный свет
вам струить в глаза,
буду годы ждать ответ –
было б что сказать.

РАЗОРВАН КРУГ

В призрачном мире
промокших

плащей

прячемся в теплый
живот

электрички.

где неизменен
порядок

вещей

до ритуальных
значений

привычки.

Где

чужаки среди прочих

чужих

стиснуты ближе.

чем в брачной
постели.

То, что имеет
название
души,
ежится скорбно
в стреноженном
теле.

На тонкой нитке,
что зовется
«ЖИЗНЬ»,
болтаемся –
вниз головою,
вниз...

И потому глаза не поднимаем.
И потому друг друга обнимаем,
что оборвется
нить,
и в землю –
«Ах!»,
что одному уйти –
смертельный
страх.

Вот такие, брат, дела!
Простынь – девственно бела.
Чьи-то в свадебной постели
переплетены тела.
Вот такие, брат, дела.
Роша зимняя светла,
а по девственности снега
марта тропка пролегла.
Вот такие, брат, дела...
Сумасбродна и смела,
юность шла перед тобою:
шаг замедлил –
и ушла...

Тридцатилетие – рубеж,
пора крушения надежд,
и осмеяния затей,
и осмысления потерь...

Уже и шаг не так упруг,
уже и плоть не так легка,
уже обдуманно – не вдруг –
слова слетают с языка.

Нелепых чуждые причуд,
чуть приспускаем паруса.
Преобладает над «хочу»
такое веское – «нельзя».

И ты – не та,
и жизнь – уже другая.
Мир тесен стал! –
Раздвинь его руками.
О, сколько сил в движении
слабых рук!
Легко разорван
повседневный круг,
и ты живешь,
причудливо играя
кругами ада
и цветами рая.

*Маше
Хлебниковой*

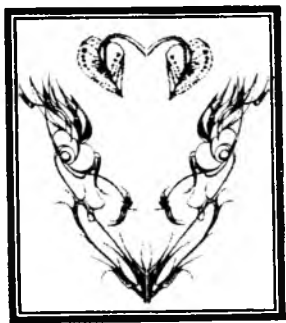
Мы остужаем сердца жар
привычно холодом коньячным.
Как пальцы рук твоих дрожат.
Ты, их в колени зябко пряча,
о нет, не плачешь! Стать не та! -
на табурете, как на троне.
Так авиатор – «от винта!» –
предупреждает посторонних,
так гладиатор шелк плаща
с улыбкой прижимает к ране.
Но как родным безмерно странен
больной, не жаждущий врача...

УРОВЕНЬ НЕБА

Понедельник, вторник, среда,
друг за другом как поезда,
    мимо зеркала на стене,
    мимо окон в закатном огне,
    мимо нищенки у ворот,
мимо дома,
    где враг мой
        живет.

Только мимо Харона не смочь.
В бесконечную мертвую ночь
    день за днем и за годом года
    через реку – туда и сюда...

Понедельник.

    Вторник.

        Среда.

Стена,
стена,
еще стена,
окно и дверь –
вот поле боя.
Здесь - бесконечная война,
и даже сны томимы болью.

Рука к руке,
но в каждой
меч,
уже не прятаемый
в ножны.
И даже если рядом лечь –
быть
дальше
просто
нельзя.

Ниже
уровня неба
выше
уровня моря
ниже
уровня счастья
выше
уровня горя
ниже
уровня крика
выше
уровня плети
ниже
уровня жизни
выше
уровня смерти.

Нету слов таких -
больше молчанья
и тишины,

нету скал таких,
чтобы стали
меньше стены,

нет дождей таких,
чтобы были
солонее слез,

нет опоры,
чтоб сдвинуть
земную ось.

Тишина,
в тишину,
в тишине...

Небо серое,
как шинель,
с неба ливень –
косые ручьи
на щеках твоих
горячи,
на щеках твоих
отблеск зари, -

в тишине
тишину
говори...

Идет слепой,
        смущенно улыбаясь,
перед собою тростью –
        тук, тук, тук...
По мокрому асфальту,
        натываясь
на сотни ног,
        минуя сотни рук.

Он в чем-то
        птице раненой подобен –
немного боком,
        выдвинув плечо.
Он с целым миром
        в «жмурки» – «горячо»,
рожденный в полночь – он
        дитя в утробе.

Неживой

от живого

легко отличим

неподвижностью

тени

и слепым выраженьем

чужих личин,

и дыханием,

свойственным

даже растениям,

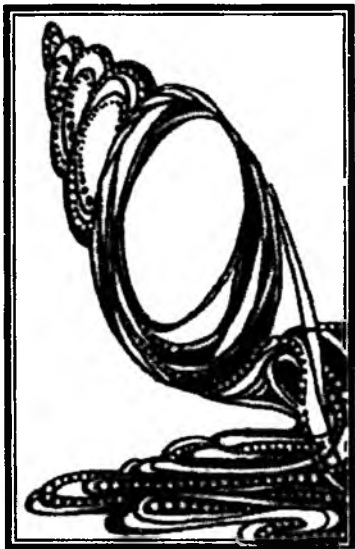
даже камню,

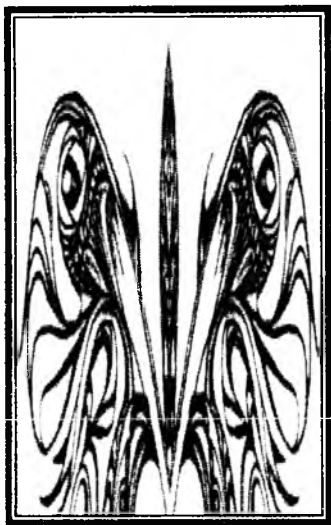
который,

вдохнувши раз,

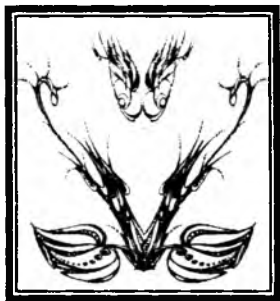
стал основой

цивилизаций и рас.

НА ДРОГАХ

Мир перевернут,
все не так,
и даже
незыблемость
пространства и времен
нарушена.

И потому так страшен
немолчный гомон
городских ворон –
как пир чумной,
как зримость
пляски Витта,
как тонущие
с песней
корабли.

И черной лентой
    полночи
            обвита
покойная
    шестая
            часть земли.

Колдовски темна вода
замезающего пруда,
мы приходим -
                                ниоткуда,
и уходим -
                                в никуда.

Хвост по снегу волоча,
ветер воду жадно лачет.
Тсс..

                                ребенок где-то плачет?..
По покойнику
                                кричат?..

Руки тянутся к огню -
станет пламя пепелищем.
Острый заступ на кладбище
рушит мерзлую броню.

Мы одни.

Лишь мерцание
телеэкрана
да мелькание кадров кино.

Я завидую тем,
кто ушел
слишком рано.

Позже –
только вина
да вино.

Позже -
горе и голод,
чумные бараки,
матерок
ветерком
с детских губ.

Позже зубы,
что выбиты в уличной драке –
город-смрад.

        город-ад,

                город-яд,

                        город-труп...

Позже – черные кости
в обугленном танке,
позже трупы –

        как в море –

                в крови...

...Но надрывно и страстно
        поет нам

                цыганка

под гитару романс о любви!

Оплела

тумана

паутина

ступни ног,

овалы серых лиц.

Чьи-то окна,

как глаза

кретина,

смотрят тупо,

не мигая, вблизи.

Оседают

скука,

скука,

скука

влажными следами

на окно.

Пасть ощеря,
    пробежала
                    сука.
Суке
не до скуки –
                    все равно.

Ошалелый
    от чужих
                    рыданий,
заорал с ума
сошедший кот.

А в просветах
    зданий,
                    зданий,
                                    зданий
скука беспросветная
                    плывет.

Губы красны,
как кровь из ран ножевых.
Почти лишенные плоти,
тела манекеншиц
несут на плечах
шкуры недавно живых,
а ныне уже вымирающих
братьев меньших.
Как переливчат и ласков
сказочный мех!
Под каблучками небо –
податливей лужи.
Но истеричен и глуп
подступающий смех:
душу мою наизнанку.
как мехом наружу –

чувством наружу,
и сердце –
как брошку –
на грудь!

Пойманы мысли
и четко
надписаны
тушью...

Так и живу с предисловием:
не позабудь, -
миг подойдет –
и освежают душу.

«Гори, гори, моя звезда...»

*«И дым отечества нам
сладок и приятен...»*

Гори, гори,

отечество мое.

Пылай, пылай огнем

самосожженья.

Мы, надрывая глотки,

пропоем:

«На смертный бой» – и вновь

к иным свершеньям.

История
        смыкается
        в кольцо,
Уже концом
        становится
        начало.
В горсть спрятав
        помутневшее
        лицо,
Молчит Россия,
        как всегда
        молчала.
Пророкам гнить
        за каменной
        стеной,

В горящий храм
войдет его
воятель.

И, замерший
над тлеющей
страной,

Как этот дым
нам сладок
и приятен.

Так сиротливо
угасает день
в обители,
давно забытой Богом,
где топоры
ждут времени и где
ждут мертвецов своих
гробы на дорогах.

С течением лет
мутнеют зеркала
и тускло лгут,
с действительностью споря,
и женщина –
румяна и бела –
вдруг почернеет,
как земля от горя,

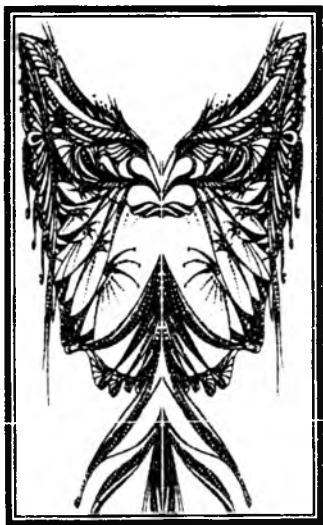
и вскрикнет,
        черный плат в руке неся,
        похожая
на траурную птицу.

Земля же охнет
        бабой на сносях
и новою могилой
        разродится.

*«А где мне взять такую
песню...»*

Пыли под ноги
встречные
километры усталой земли.
Взяли песню,
как женщину,
грубо, в дорожной пыли.

И распялены похотью
повлажневшие
пьяные рты.
Песню-женщину походя
втоптали в степные
цветы.

ДОМ ЛУНЫ

Кто знает, что в книгах
запишем
Шам.

Мы здесь по-ихому,
кому как
взбрело,

Расставили все
по углам
и местам:

Шо - лодка без весел,
то - просто весло
без лодки,

Однако - плывут по волнам
послушно теченью,
а же вопреки.

Ах, больно же было
обмахушым
кам
Искать то и это вдоль
бурной
реки...

Когда луна
покинула свой дом,
звезда с небес
упала на колею,
и в этот миг
холодеющий земли
упала в чужие руки
как в звездо.

И над землей
взорвалась
шипша
горячим гулом
медного хабата,
и жещина,
ки в чем же выговата,
молишвенно застыла у окна.

Жо звездных киз
таиствемная вязь
уже вилась,
как кружево
на спицах.

Жад львемком
распростерла крылья львица,
оборвалась
простраствемная связь.

В печи остались
уголь и зола,
свеча
до осоважья
догорела.

И спележала малехькое тело
полухочная звездчатая жгла.

Когда во тьме
        родился первый звук,
Прокляхуся
        и громом гряжуя оземь,
Прострахство
        уплывало из-под рук,
Преобразуясь
        в будущую осежь,
И мимо пальцев
        проплывал рассвет,
Рисуя
        охлаждительные румы.
И попирая смерть,
        которой нет,
Играл Орфей.

Передирая струны,
Иская слова,
                    которым же дамо
Родиться,
                    ибо неоткуда выпасть.
Когда пуста земля -
                    пусто зерно.
И некуда умы
                    вести же вынас.

И некому вести,
                    поскольку Бог
Не слышит нас,
                    сегоднешних.
                    Оглох
От бесконечных жалоб...

Испивший
чашу мудрости
до дна
Уже не стает
жертвой
ка заклятье.
Ты сам — свой суд,
ты сам
своя вила,
Лыль посоха и самый
посох
в длахи,

Короткий меч, в котором острое
прохзительнее радиуса в круге,

И техъ, и продолжение ея
Рукой ѿ извечной круговой поруке.

Свое
предначертание
прими,
Стань каплей в океане,
хотой
в гамме, -

В тебе все боги, ставшие людьми,
В тебе все люди, ставшие богами.

Для красоты закон — она сама.
Об этом знали альфы, знают люди.
Пусть ты прочтешь
бессчетные тома
учебных книг —
все сути же прибавит.

Вот — зеркало, в нем отраженья,
Вот — оригинал из плоти...
Только где я?
В любом из нас двойное
живет.
Так в камне
бьется сердцем
Талаша,

И холод
отражение
хранит,
Загадку взгляда,
безупречность линий.
И путь вселенский,
бесконечно
длинный,
все разное
во мне объединит.

Когда свеча
чуть теплится
в окне,

Без солнца
души сырых
обогреты,

Когда в каминке
лезкой
оперетты

Смешной Петрушка
Тамбета
сильней —

Не простота,
что хуже
воровства,

Но простота —
сродни
пьям талахтам.

И, может быть,
весомей
речи Калта

Вах-гоговская
сущность
естества.

Тысячи глаз,
и только один
взгляд,

Не на собрата,
не вперед,
не назад, -

В небо, туда,
где за облаками
звезда,

Ша, без которой судьба
беспричинно
пуста;

Взгляд, обреченный на *всё*,
и поэтому —
внутрь.

Кроме тебя туда
Никому
не взглянуть.

Следы
остались
за порогом дома.
Они вольны идти,
куда хотят.

Рождается
Ветер

2

ЕДИНСТВО В КНИГЕ

Целью проекта "Единство в книге" является слияние в пространстве миниатюрного издания усилий людей, живущих в потоке творческого созидания, - людей, сострадающих жизни и относящихся к ней с трепетным уважением.

В стремлении деятельной любви стираются разъединяющие границы, и материальная забота издателя, поддерживающего подвижническими усилиями и терпеливой энергией само физическое существование поэзии в теле книги, несколько не менее значительна, чем вдохновение поэта, родившего будущей книге душу. Редактор, помогающий новорожденному Слову обрести наиболее устойчивую и закономерную форму, выверенную по требованию заложенной в тексте гармонии, необходим и книге, и автору, и читателю ничуть не в меньшей мере, чем художник, который призван не

столько книгу в нашем привычном понимании "иллюстрировать", сколько ее сопровождать, расширяя и продляя ее звучание в иные измерения. Духовное пространство книги образуется усилиями многих людей, и частью этого единства становится и ручной труд переплетчика, пропустившего через свои ладони каждый томик каждого автора; вшивание тетрадей под корешок и одевание книги в дерматин перестает быть кустарной работой, ибо руки мастера слушаются его сердца, и его труд становится актом бескорыстной самоотдачи. Быть может, здесь уместно и кстати напомнить, что древние фолианты всегда переплетались вручную, и вовсе не потому, что седые готические эпохи не знали полиграфии, а по той причине, что любая книга была предметом священным, допуская до себя в качестве единственно приемлемого инструмента только живые и теплые руки человека. При полном сегодняшнем сиротстве и культуры, и издательского

дела, и самого человека лишь объединенные устремления многих любящих способны возродить вокруг книги атмосферу почитания, обаяние тайны и красоты и почти средневековую алхимию, когда Слово способно преобразаться в Мелодию, Мелодия в Линию, а читатель становится каждому из тех, кто создавал и строил книгу, мудрым и равным собеседником, возвышая ее и собственной любовью.

Единство в книге – воссоединение музыки сфер с прозой бытия, Поэта с Художником, а Читателя с Писателем. Хочется надеяться на то, что заявленный проект будет успешно реализован, что помогло бы восстановить униженную миссию книги – быть и оставаться храмом общения между Землей человеческой и возвышающим Небом.

Малое пространство миниатюры – своего рода философский символ человеческого бытия, ибо предполагает столь значительную состоятельность и концен-

трированность Большого, что оно способно разместиться и в Малом, как Бог размещается в человеке. Миниатюра требует только лучшего и только главного, - то есть того, без чего обойтись невозможно. Для творца, рискнувшего представить свою вселенную в столь афористичных пределах, миниатюра становится серьезным испытанием на внутреннюю состоятельность, ибо малое пространство книги – отнюдь не коммуналка, оно не терпит словесного сора, суеты, произвола и разреженности мысли.

Первая поэтическая книга Татьяны Жмайло, в которой гармония и смысл перетекают друг в друга, взаимно обогащаясь и образуя нераздельно звучащий тревожащий искренний аккорд, достойно, на наш взгляд, открывает серию "Единства...". В пределах объявленной "Марафоном" серии готовятся к печати вторая и третья книги автора, которого многие откроют для себя впервые, а те, кто уже знаком с творчеством Татьяны

Жмайло по ее концертной деятельности, быть может, обнаружат в ее поэзии магическую живую воду, которая питает душу, не давая пересыхать и источнику сострадания.

***

Татьяна Жмайло родилась в год Обезьяны под созвездием Рыб. Родилась, конечно, не на небе, но в Ленинграде, детство прошло в поэтических сумерках маргинального величия этого города. Как и многие писатели, не захотела удовлетвориться единственным дипломом, и попытки получить образование предпринимала трижды: четыре курса Череповецкого политехнического института, диплом об окончании строительного техникума и диплом об окончании литературного института им. Горького в Москве.

Трудовые эксперименты на благо советского государства выглядят у Татьяны как занимательнейшая карта совсем не физических странствий в поисках

смысла: санитарка, уборщица, заведующая библиотекой, воспитатель детского сада, конструктор металлоконструкций (!), секретарь-референт, журналист. В данный момент – чуткий, внимательный и тонкий продавец-собеседник эзотерического магазина “Древо жизни” в Череповце. К этому непрестижному в сравнении с нынешним Санкт-Петербургом городу Татьяна искренне привязана и умеет находить в его и духовно, и экологически истощенной ауре питающие поэзию потоки. На просьбу сформулировать свои душевные пристрастия Татьяна отозвалась очень лаконично: “Люблю море, осень и черный цвет”. Осенью и любимым цветом Череповец обеспечивает сполна, но поэт, родившийся под созвездием Рыб, обречен на ностальгию по океану, и, возможно, это и есть тайная струна жмайловской поэзии.

Имя Татьяны Жмайло звучало за границей – в Бельгии, Париже и Германии. В приютившем талантливое поэта Череп-

повце ее знают преимущественно как исполнителя авторской песни, вологодским любителям поэзии ее стихи неизвестны вовсе, - Татьяна никогда не стремилась к поверхностным и торопливым публикациям, да и сама официально-писательская Вологда принимала поэта более чем холодно - в своем Отечестве пророкам, как известно, не место. Столица, обладающая, к счастью, более широким кругозором, в начале перестроечной эпохи отметила появление перспективного автора публикациями в журналах "Родник", "Огонек", "Работница" и "Юность". Последние два года Татьяну Жмайло приглашает Европа и ее камерные концерты проходят с неизменным успехом, что подтвердилось и недавней публикацией ее поэтической подборки в нью-йоркском "Новом Журнале".

"Соль-минор" - первая книга автора, и также - первый том из заявленного "Марафоном" первого трехтомника миниатюр. Товарищество "Марафон" обраща-

ется и к ценителям поэзии, и к любителям миниатюр, и ко всем иным, готовым отозваться. лицам, с предложением оказать автору помощь в издании, и откликнется на иные заинтересованные и конструктивные предложения сотрудничества. (Контактный телефон в Вологде 77-13-87).

Татьяна Тайганова

СОДЕРЖАНИЕ:

Аннотация.....	2
“Что же, птица...”.....	7

ПОРТРЕТ ОДИНОЧЕСТВА

“Я – сотканная...”.....	10
“Полнолуние. Снег...”.....	11
“Пройду по саду и узнаю...”.....	12
“Незаполненностью схожи...”.....	14
“Там, где желтый песок...”.....	16
“Даже даль небосвода...”.....	18
Рождается ветер (1).....	19
“Ошибаемся...”.....	25

ЗВЕЗДОПАД СПЯЩИХ

“Ночью по городу моему...”.....	28
“Дела... А между ними...”.....	30
“Все это будет...”.....	32
“Минуту назад...”.....	34
“Было тихо...”.....	35
“Легко обидеть добротой...”.....	36

“Не оставь меня, Господи!”	37
“Иду и вглядываюсь...”	38

Стать золой

“Мне нравится слово “пора”	42
“Качались от ветра...”	43
“Зажата рана в горсть”	44
“Сентябрем потемнела вода”	45
“На бумаге слова немые”	46
“У меня нет телефона...”	47
“Я не люблю полутона...”	48
“Я не верю рассказам бывалых...”	49

С краю

“Как хорошо, что эта ночь...”	54
“Не умею жить, ну и что же?”	55
“Платье заплатано...”	56
“Дремлет кот...”	57
“Для тех, кто приличия ищет...”	58
“Все размерено и взвешено...”	59
“Золотую середину...”	60
“Чтоб найти...”	61

РАЗОРВАН КРУГ

“В призрачном мире...”	66
“На тонкой нитке...”	68
“На тонкой паутинке...”	69
“Вот такие, брат, дела!”	70
“Тридцатилетие – рубеж”	71
“И та – не та...”	72
“Мы остужаем сердца жар...”	73

УРОВЕНЬ НЕБА

“Понедельник, вторник...”	78
“Стена, стена...”	79
“Ниже уровня неба...”	80
“Нету слов таких...”	81
“Тишина...”	82
“Идет слепой...”	83
“Неживой от живого...”	84

НА ДРОГАХ

“Мир перевернут...”	88
“Колдовски темна вода...”	90

“Философия мне под силу...”	91
“Мы одни...”	92
“Оплела тумана паутина...”	94
“Губы красны, как кровь...”	96
“Гори, гори, отечество...”	98
“Так сиротливо угасает день...”	101
“Плыли под ноги...”	102

Дом луны

“Кто знает, что в книгах...”	106
“Когда луна покинула...”	108
“Когда во тьме...”	110
“Испивший чашу...”	112
“Для красоты закон...”	114
“Когда свеча...”	116
“Тысячи глаз...”	118
“Следы остались...”	121
Рождается ветер (2)	122
Единство в книге	128
Содержание	136

Экземпляр № .....

Тираж 200 экземпляров.

